

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 19-го Декабря 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11797.

УРОДЪ.

Никогда не забуду я этой короткой странной встречи.

Я ходилъ изъ Венеции въ Геную. Осеннее прохладное утро было необычайно яснымъ и прозрачнымъ. Стеклянный воздухъ, стеклянное небо. Стабо очарованный на горизонте горы, выглядѣли, какъ отполированный малахитъ. Мелькали поля, набѣгали и скрывались крохотные домики, и только красная заросль винограда, перекинутая от дерева къ дереву, выглядѣла необычайно ярко и празднично.

Но мнѣ было грустно. Это то, уже хорошо знакомое мнѣ чувство печали, которое приходило всякий разъ, когда я уѣзжалъ изъ какого-нибудь города.

Вѣдь, это все равно, что простишься надолго, а вѣрнѣе, навсегда съ прекраснымъ, умнымъ и интереснымъ человѣкомъ,

Увижу ли я еще Венецию? Кто знаетъ. Но вотъ она уже далеко позади. Прочитана еще глава. Еще что то пережито, еще одной прекрасной тайной стала бѣднѣе жизнь. Послѣ каждого изъ такихъ раскрытий мира немножко старѣешь. Такъ старѣеть человѣкъ, прочитавъ большое гениальное твореніе.

То же чувство охватываетъ душу, когда проходитъ большая красивая любовь.

Въ книгѣ жизни меньше одной главой, и, въ сущности, уже такъ немного осталось до конца.

Туристъ-австріецъ, непріятно, по бабы жирный, окруженный и лоснящейся, куриль громадную сигару, крутился на мѣстѣ, заглядывалъ въ окна и заговаривалъ съ своими сосѣдями на отвратительно-исковерканномъ итальянскомъ языке. Только немецъ способенъ превратить этотъ звучный четкій и пѣвучій языкъ въ какое то раздутое мычаніе съ гудящими придыханіями.

Сосѣди смѣялись, корчили гримасы, роняли далеко не лестные комплименты и, повидимому, были очень рады возможности хохотать надъ глупымъ австрійцемъ. Тотъ плохо разбирался въ замѣчаніяхъ, принималъ смѣхъ за одобрение и продолжалъ свою исковерканную болтовню, шлепая жирными красными губами.

Два мѣста дивана противъ меня были свободны, и я радовался этому сравнительному одиночеству. Но около Милача дверь вагона распахнулась, и на свободномъ диванѣ помѣстились новые пассажиры. Это были дѣвочки лѣтъ тринадцати и странная, очевидно, больная, женщина лѣтъ сорока.

Дѣвочка была въ зеленомъ простомъ платьѣ. Юбка доходила до колѣнь и открывала толстые крѣпкія ноги въ шерстяныхъ чулкахъ. Вся она была крѣпкая, здоровая, полная, съ обильными черными волосами, румяными щеками, губастымъ ртомъ и крупными, красными, мужицкими ушами. Но лицо ея было недовольное, почти злое. Глаза ясно говорили: «Сидѣла дома, бѣгала. Хорошо сейчасъ бѣгать! А вотъ взяли и пристегнули меня къ этой противной старухѣ».

Дѣвочка прижалась въ свой уголъ и всѣмъ своимъ видомъ пыталась по-

но самымъ ужаснымъ было ея лицо. Даже Гойя не могъ бы вообразить такое. На него было непріятно смотрѣть, оно печалило, угнетало, рождало непріятныя мысли.

Я съ раздражениемъ подумалъ: „Точно нарочно ее посадилъ противъ меня какой то чертъ! И такъ невесело“.

Ужасное лицо, плоское, вытянутое, изсиня блѣдное. Голова скелета, котораго едва отянули тонкой кожей. На этомъ лицѣ все время шевелились лихорадочно-вспаленные губы; острыя скулы были покрыты такимъ же болѣзnenнымъ румянцемъ.

Жидкие, полусѣдѣе волосы, похожіе на старую паклю, сбились на вискахъ, словно прилипли къ нимъ. Это расширяло ея желтый лобъ и дѣлало еще болѣе запавшими ея синеватыя щеки.

Но всего ужаснѣе были глаза. Вѣроятно они всегда были у нея большими, а теперь худоба, болѣзнь, жаръ, дѣблость вѣкъ совсѣмъ обнажили глазное яблоко.

Эти глаза вывалились на щеки. Эти глаза съ желтыми блѣдками и тусклымъ жалобнымъ взглядомъ. Получалось непомѣрное уродство. Я избѣгалъ смотрѣть на эти вывалившіеся глаза, но они были такие неожиданные, страшные, уродливые. Тянуло взглянуть на нихъ, понять ихъ. Было пристивно и еще болѣе притягивало.

Она, вѣроятно, понимала сама, какое страшное, отвратительное впечатлѣніе производили ея глаза. Она то наклоняла голову, то поворачивалась къ окну. А когда съ моими глазами сталкивалась ея выкаченные глаза, въ нихъ появлялось мучительное, напряженное выраженіе: извиненіе, жалоба, плачь.

Дѣвочка взглядала на это лицо съ открытой ненавистью: „Господи, съ какимъ уродомъ меня заставилиѣхатъ!“

Женщина попросила достать съ полки ея корзину. Дѣвочка сдѣлала видъ, что не слышитъ, и только оттопырила свои красные губы. Просьба была повторена три раза и такъ же безрезультатно. Дѣвочку даже радовала эта беспомощность. Она начала смѣяться, стучать ногами, чтобы заглушить причитанія больной. Наконецъ, зибно крикнула: „Ты и здѣсь надѣдаешь!“ — вскочила и подошла къ противоположному окну.

Я досталъ корзину и поставилъ ее передъ женщиной на диванъ. О, лучше бы она не благодарила меня жалобой своихъ глазъ, своей ужасной улыбкой, которая обнажила коричневые зубы, точно обожженные огнемъ.

Она раскрыла корзину и начала рыться въ ней. Теперь я хорошо разсмотрѣлъ ея руки. Былъ виденъ каж-

Августѣній Предсѣдатель севастопольской
авіаціонной школы

Великій Князь Александръ Михайловичъ.

казать, что она пассажирка совершенно независимая и ничего общаго не имѣтъ съ противной старухой. (Ея тетка, какъ я узналъ впослѣдствіи).

Женщина сначала представляла себѣ какой то темный безформенный воронъ. Постепенно она начала раскручиваться. Сняла пледъ, затѣмъ черный мягкий плащъ и, наконецъ, полупальто на ватѣ.

Господи, какъ можно обидѣть и изуродовать человѣческое существо!

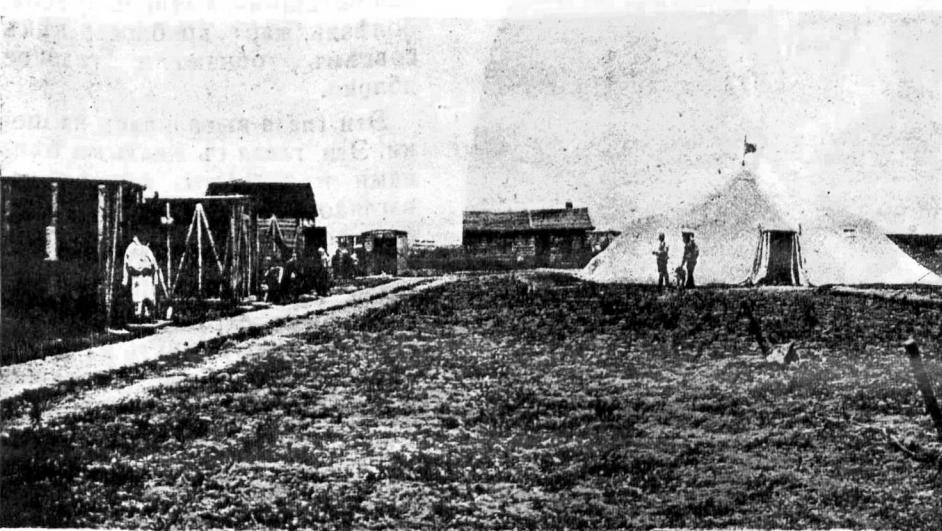
Теперь предо мной сидѣла покойница тощая, узкая, какая то сплющенная женщина. Она вся была составлена изъ острыхъ угловъ. Углы плечъ, углы бедеръ, острые углы колѣнь, которые буквально торчали вверхъ, подъ выцѣвѣшей шерстяной юбкой.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ ШКОЛА АВИАЦИИ.

(Къ торжеству открытия ея).

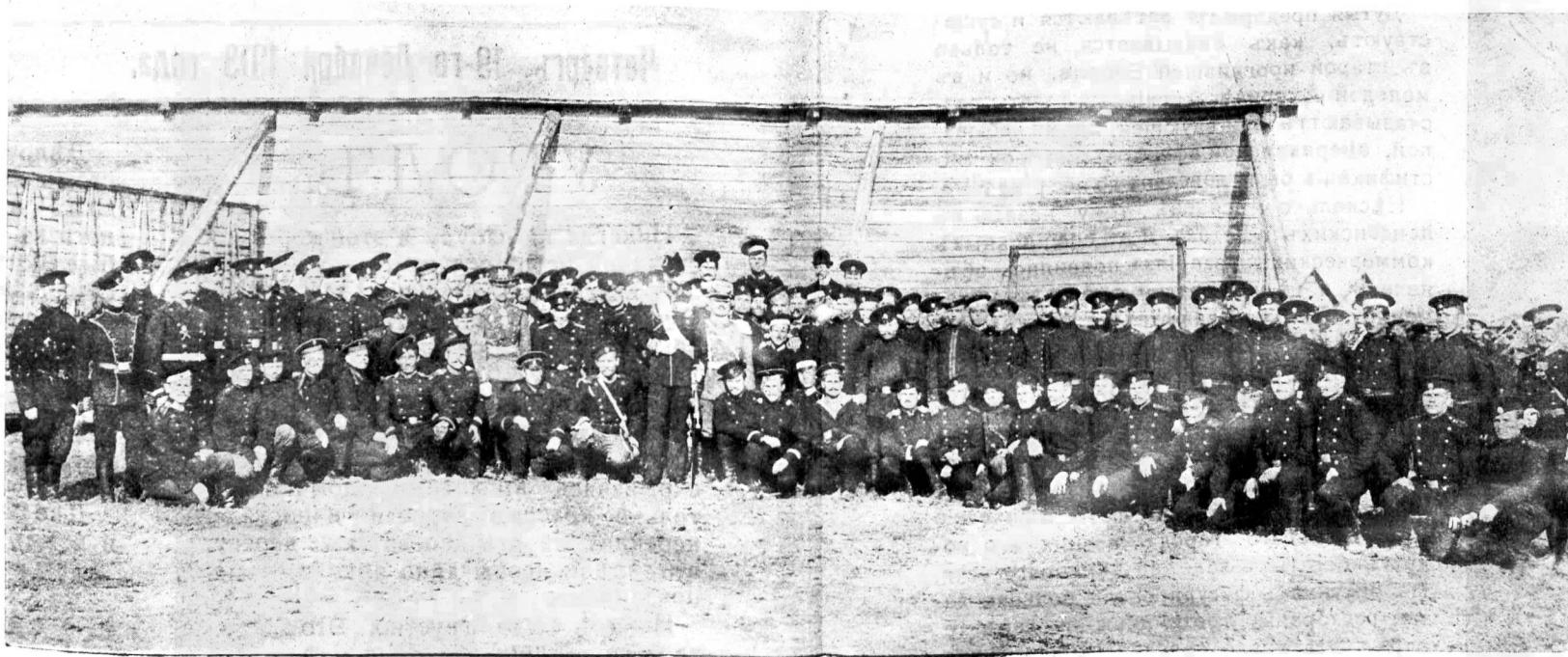
Военный министр ген.-ад. В. А. Сухомлиновъ среди руководителей школы и обучающихся офицеровъ.

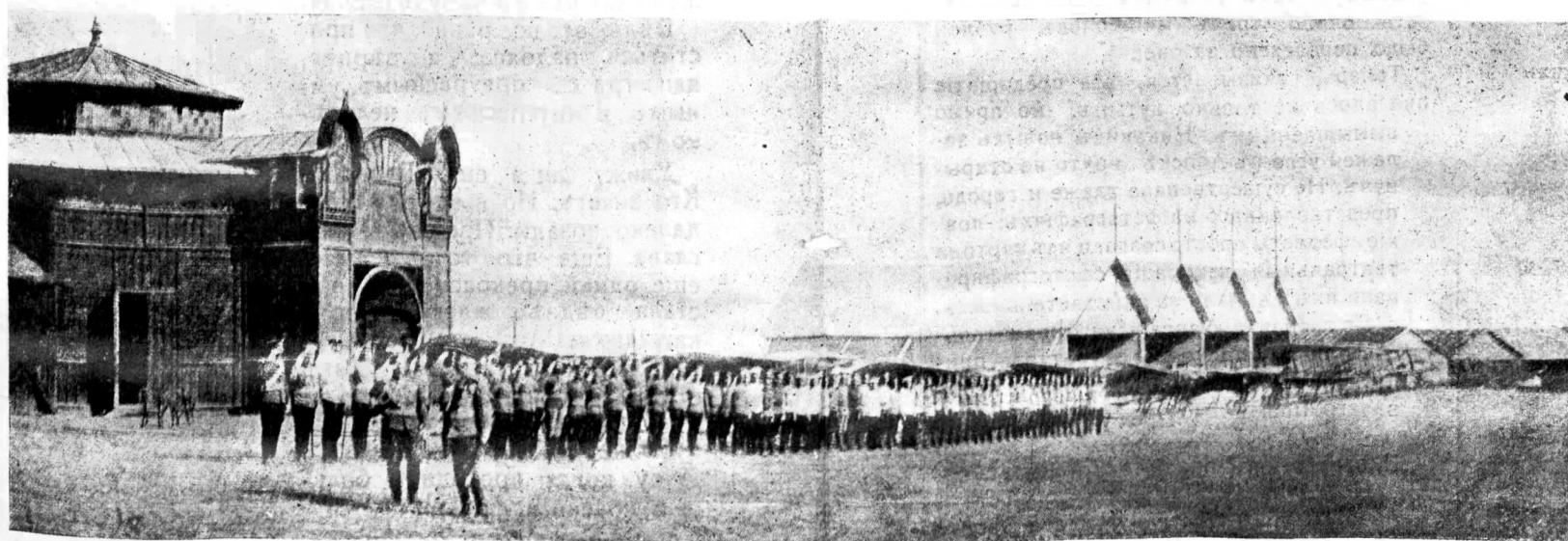
Офицерское собрание, столовая и ящики изъ-подъ самолетовъ, приспособленные для жилья постояннаго и перемѣнного составовъ школы въ лаг. Александро-Михайловскомъ на р. Качъ, близъ Севастополя.

Учебные полеты.

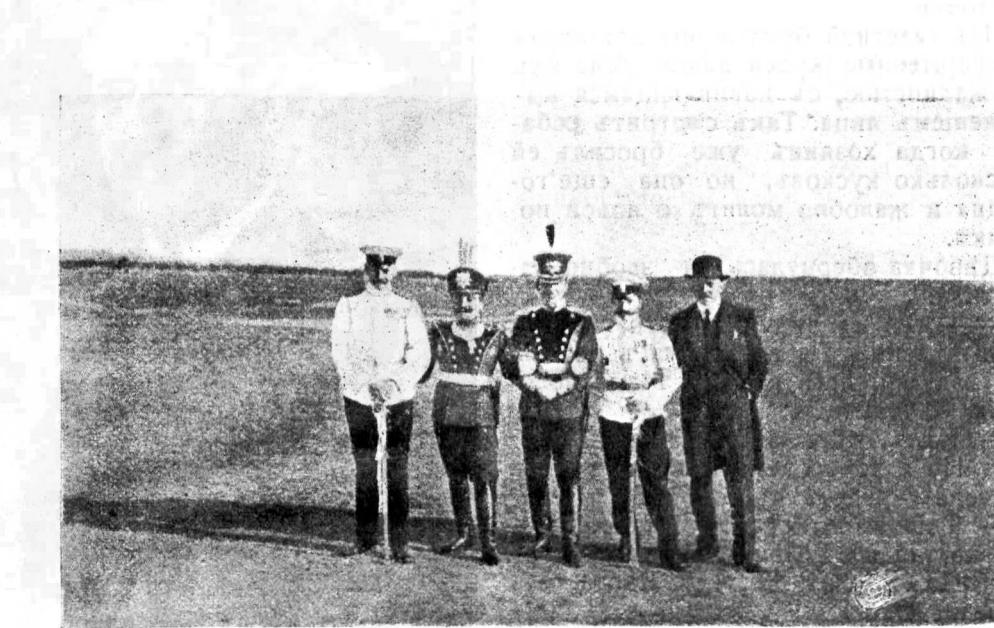
Команда нижнихъ чиновъ школы ю главѣ съ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ.

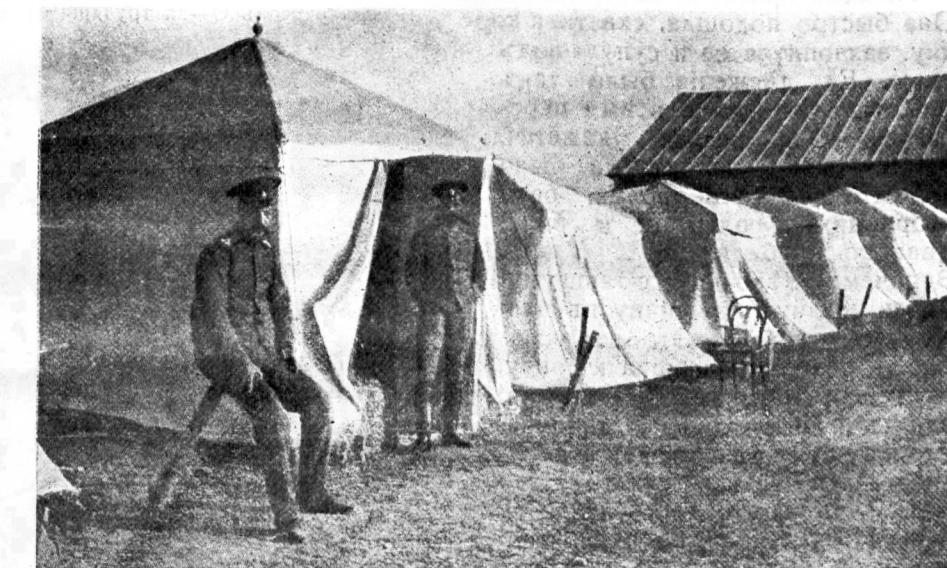
Первый въ Россіи парадъ съ участіемъ летчиковъ и самолетовъ въ 1911 г. на Куликовомъ полѣ въ Севастополѣ.

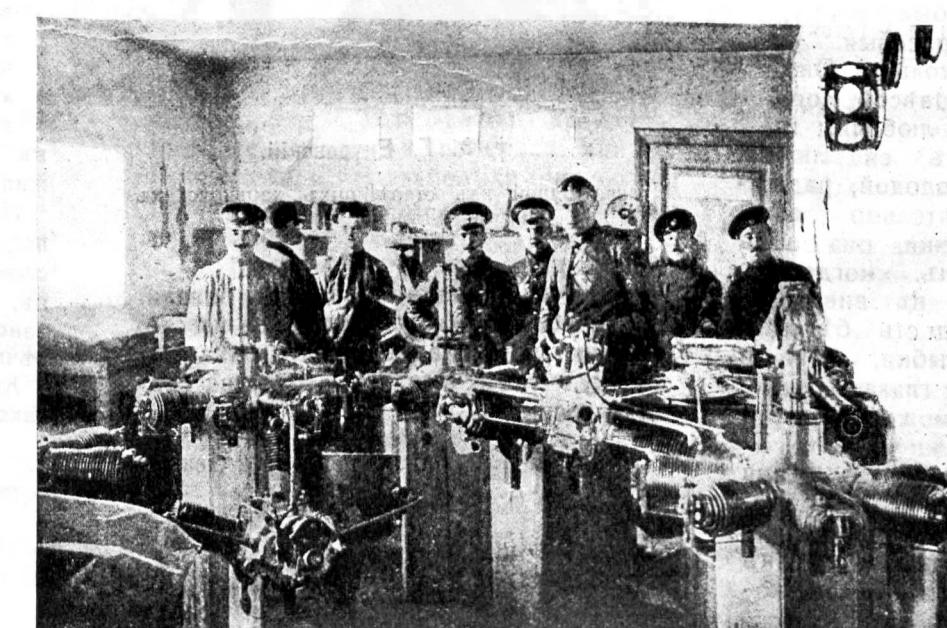
Складъ запасныхъ частей.

Руководители школы въ Севастополь на Куликовомъ полѣ осенью 1911 г. военные летчики: лейт. бар. Бусгейденъ, шт.-кап. Викторъ-Берченко, поруч. Макеевъ, лейт. Дыбовскій, летчикъ М. Н. Ефимовъ.

Офицерскія палатки обучающихся въ севастопольской школѣ на Куликовомъ полѣ въ 1911 г.

Мастерская двигателей.

дый суставъ, стянутый вздутыми жилами. Съ этихъ рукъ содрали кожу, и остались какія то холодныя, синія, косточки.

Изъ газетной бумаги она доставала безформенные куски пищи. Бла ихъ съ жадностью, съ извиняющимъ выражениемъ лица. Такъ смотритъ собачка, когда хозяинъ уже бросилъ ей нѣсколько кусковъ, но она еще голода и жалобно молитъ о новой подачкѣ.

Дѣвочка обернулась и злобно замѣтила:

— Имѣй въ виду, что это тебѣ на цѣлый день. Ты все сейчасъ поѣшь. Не вздумай ъсть курицу. Мама положила ее для меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, засуетилась женщина.—Но я хочу сдѣлать глотокъ вина. У меня скребетъ въ горлѣ.

— Твое вино красное. Да не ройся. Не хватай все своими руками. Твоя бутылка направо, въ углу. Когда тебя довезу, наконецъ!

Женщина ъта неопрятно, спѣшино, роняя крошки хлѣба и сальные кусочки макаронъ на свои колѣни.

Окончивъ ъсть, она хлебнула лекарства изъ большого пузырка и запила его виномъ.

— Да кончай же!—крикнула дѣвочка.—На тебя противю смотрѣть.

Она быстро подошла, схватила корзинку, захлопнула ее и сунула подъ скамью. Ея движенія были такъ рѣзки, что больная совсѣмъ перепугалась. Она сжалась, кажется, ожидая, что ее ударятъ, и было ясно, что въ другое время, безъ постороннихъ людей ее и били, издѣвательски били.

Впрочемъ, дѣвочка все-таки умудрилась толкнуть женщину въ плечо, будто нечаянно. Это ее успокоило, и она снова отошла къ окну.

— Теперь горы совсѣмъ близки!—вдругъ воскликнула женщина. Всторгъ немножко смягчило испуганное выражение ея глазъ. Надо думать, что много, много лѣтъ не выѣзжала она изъ своего деревенского угла.

Она протянула къ окну свои руки, точно желая прикоснуться къ этимъ чудеснымъ бархатно-синимъ горамъ. И вотъ, я впервые увидѣлъ на ея правой руки золотое кольцо. Оно скользило на среднемъ пальце, какъ обручъ на проволокѣ. Очевидно, раньше оно было впору. Руки были полныя и красивыя.

Ахъ, это печальное кольцо! Оно рассказывало цѣлую повѣсть. Когда-то эту женщину любили, и кто-то упорно искалъ ея любви. Она была веселой, молодой, радостной, она носила старательно шьты, пестрыя ксфочки, она пѣла по вечерамъ и утрамъ, когда отправлялась на работу въ виноградники; она знала радость бѣглыхъ всгрѣвъ, чи то улыбки, чи то поцѣлуй и влюбленные глаза.

А теперь... О, какъ можно обидѣть человѣка!

Еще болѣе заинтересовалъ меня этотъ несчастный уродъ.

Слово за словомъ мы разговорились. Наконецъ, она рассказала мнѣ все. Нѣсколько короткихъ фразъ, ко-

Проф. С. М. Кульбакинъ,

избранный директоромъ высшихъ женскихъ курсовъ О—ва трудающихся женщинъ.

† Ф. Г. Енуровскій,

глава одной изъ старѣйшихъ харьковскихъ фирмъ—«Дамское счастье».

торая женщина произносила боязливо и все время оглядываясь на стоявшую у противоположного окна дѣвочку,—такъ смотрѣть рабы на своихъ господъ.

(Окончаніе см. въ воскресномъ приложении).

Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Небывалая афера.

Дутыя предпріятія затѣиваются и существуютъ, какъ оказывается, не только въ старой прогнившей Европѣ, но и въ молодой Америкѣ. Англійскія газеты рассказываютъ о слѣдующей, прямо небывалой, американской аферѣ въ которой мистификація была доведена до pes plus ultra.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ лондонскихъ газетахъ и въ специальныхъ коммерческихъ изданіяхъ появились объявленія и цѣлые статьи о богатыхъ каменноугольныхъ залежахъ, неожиданно открытыхъ въ глухи Аляски. Авторы статей и объявлений приглашали капиталистовъ присыпать деньги въ Америку, обѣща барышъ чуть ли не въ тысячу процентовъ. Для подкрепленія своихъ зазываний, организаторы аферы помѣщали въ газетахъ фотографическіе снимки цѣлаго города, возникшаго вокругъ богатыхъ залежей каменнаго угля. На рисункахъ фигурировали большие дома, рестораны, гостиницы и даже театръ. Эта ловко организованная реклама, которой еще содѣйствовали специально присланные въ Англію агенты, имѣла успѣхъ и, какъ увѣряютъ лондонскія газеты, около трехъ миллионовъ рублей было переведено за океанъ.

Теперь, оказывается, все предпріятіе оказалось не только дутымъ, но прямо вымысленнымъ. Никакихъ новыхъ залежей угля въ Алясцѣ никто не открывалъ. Не существовало также и города, представленного на фотографіяхъ: ловкие аферисты просто создали изъ картона театральную декорацию сфотографировали ихъ и выдали за дѣйствительность.

По требованію англійскаго правительства, американская прокуратура приступила къ разсмотрѣванію этого небывалаго мошенничества.

Новый трюкъ президента Вильсона.

Несмотря на большую скромность и на отсутствіе тщеславія, глава Бѣлаго дома всегда устраиваетъ какъ то такъ, что почти каждымъ своимъ поступкомъ приковываетъ къ себѣ общее вниманіе и заставляетъ обсуждать каждый свой шагъ. Послѣдній его трюкъ заключался въ слѣдующемъ:

Въ Ротчестерѣ состоялся банкетъ торговой палаты, на которомъ присутствовало 300 человѣкъ.

Участники банкета, собравшіеся къ обѣденному столу, были не мало удивлены, найдя возлѣ своихъ приборовъ телефонные аппараты. Однако, назначеніе этихъ аппаратовъ объяснилось, когда предсѣдатель банкета, предоставивъ первое слово президенту, взялъ въ руки телефонную трубку и предложилъ всѣмъ послѣдовать его примѣру.

Изъ телефонной трубки раздался голосъ Вильсона, который, находясь въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Вашингтонѣ, въ 800 миляхъ отъ Ротчестера, произносилъ по телефону привѣтственную рѣчь.

Американскія газеты въ восгорѣ отъ такой любезности президента.

